

ХИМИЧЕСКАЯ СВАДЬБА

ХРИСТИАНА РОЗЕНКРЕЙЦА в году 1549.

Опубликовано Валентином Андреа в 1616 г.

День первый

В канун Пасхи я сидел за столом в своем доме на вершине холма, готовя свое сердце к празднеству следующего дня, как вдруг поднялась ужасная буря, казалось, весь холм, на котором стоял мой дом, вот-вот развалится на части. Я испугался, подумав, что это, должно быть, еще один трюк дьявола, причинившего мне немало зла, и тут вдруг почувствовал, будто меня дергают сзади за платье. В ужасе я оглянулся и тут увидел прекрасную восхитительную Деву в небесно-голубом одеянии, усеянном золотыми звездами и с большими красивыми крыльями, имевшими множество глаз. С помощью этих крыльев она могла подниматься вверх. В правой руке она держала золотую трубу, а в левой — большую пачку писем, на всех языках, которые она должна была разнести по всем странам.

Из этой пачки писем она выбрала одно и почтительно положила его на стол. Затем без единого слова она расправила крылья и улетела вверх, издав на своей трубе прекрасной такой могучий звук, что добрую четверть часа после этого весь холм отзывался на него эхом.

Со страхом и дрожью я взял письмо. Оно оказалось таким тяжелым, как будто все состояло из золота. Маленькая печать скрепляла его, а на ней был оттиснут необычный крест с надписью: "В этом знаке — победа". Это принесло мне величайшее утешение, так как я знал, что этот знак был мало приятен и менее того полезен дьяволу.

В письме я обнаружил стихи, написанные золотыми буквами на лазурном фоне:

День этот, этот, этот день,
Есть королевской Свадьбы день.
Если ты рождением и выбором Бога
Приглашен на это празднество,
То возрадуйся!
Тотчас иди на гору,
Где стоят три величественных храма,
И узри там все от начала до конца.
Вначале тщательно проверь себя:
Пусть тот, кто весит слишком
Мало, остережется.
Ни одного гостя не потерпит эта Свадьба,
Кто не хранит бдительность и нечист.

По мере того, как я читал эти предостережения, волосы мои вставали дыбом. Семь лет тому назад я узнал, в видении, что буду приглашен на

Королевскую Свадьбу, и теперь, когда я определил положение планет, то убедился, что, в самом деле, наступило указанное тогда время. Но когда я исследовал себя, как получившего приглашение, и узрел свое невежество в мистических вещах, свое угождение плоти, свои построения величавых дворцов в воздухе и тому подобные чувственные замыслы, то был так потрясен своим ничтожеством, что заколебался между надеждой и страхом. Непонятные слова о трех храмах также огорчили меня.

Наконец я обратился к моему доброму ангелу с просьбой, чтобы он во сне направил меня по правильному пути, и уснул.

Во сне я обнаружил себя в мрачной темнице, скованным одной цепью со множеством компаньонов, пытающихся разорвать свои цепи и карабкающихся как пчелы один на другого. Когда вскоре мы услышали звуки труб и литавр и в открывшуюся темницу проник маленький лучик света, я умудрился ускользнуть от своих компаньонов и приподнять себя на валун возле стены темницы.

Затем у края отверстия появился старик со снежно-белыми локонами. Призвав к тишине, он объявил, что по милости его Древней Матери к нам будет семь раз спущена веревка. Если кто-нибудь из нас сможет ухватиться за нее, то он будет поднят наверх и получит свободу.

Когда слуги Древней Матери спустили веревку, я никак не мог дотянуться до нее, а на кутерьму остальных было жалко смотреть. Через семь минут зазвонил маленький колокольчик, и веревка была вытянута наверх с четырьмя человеками, уцепившимися за нее. Снова и снова спускалась веревка, и каждый раз еще несколько человек вытаскивалось наверх; уже освобожденные помогали слугам тянуть.

На седьмой раз веревка качнулась в сторону, и мне удалось схватиться за нее, но когда веревку потянули вверх, я ударился головой об острый камень и начал истекать кровью, однако, несмотря на безнадежное положение, меня все же вытянули.

Затем темница снова закрылась, и мы, поднятые наверх, были освобождены от наших оков, а наши имена были записаны на золотую табличку. Потом мы поблагодарили Древнюю Мать за свое освобождение и начали прощаться с ней, каждому из нас был дан для расходов кусок золота. На одной его стороне было изображено восходящее солнце, на другой стороне стояли буквы D.L.S.

Что касается меня, то я едва мог двигаться из-за ран, оставленных на моих ногах цепями. Древняя Мать, видя это, сказала мне: "Сын мой, пусть эти раны не тревожат тебя, но благодари Бога, позволившего тебе даже в этом мире вступить в такой высокий свет. Сохрани эти раны в память обо мне".

Проснувшись, я обдумал свой сон и понял из него, что Бог удостоил меня правом присутствия на этой мистической и тайной Свадьбе. Я облачился в белые полотняные одежды, накинул на плечи

кроваво-красный плащ, завязав его крестообразно, а к

шляпе прикрепил четыре красных розы.

Затем я взял хлеба, соли и воды, и

радостный, отправился в

путешествие.

День второй

Переполненный радостью окружающей природы, я шел, напевая, через лес, направляясь к зеленой степи, где стояли три высоких кедра. На одном из них была прикреплена табличка, предлагавшая выбрать один из четырех путей на Свадьбу.

Первый из них был описан как короткий, но опасный, ведущий в каменистые, едва проходимые места. Второй был длинный, но легкий. Третий путь был королевский, которым мог следовать лишь один из тысячи. Четвертым был путь, окруженный огнями и облаками, доступный только очищенным телам.

Табличка предупреждала также, что если однажды мы ступили на один из этих путей, то возврата уже не будет, и что если мы знаем за собой хотя бы маленький недостаток, то нам лучше не идти дальше.

Перед этими страшными предупреждениями я опустился на землю у основания дерева в большом волнении духа. Так я сидел, сбитый с толку, обдумывая, вернуться ли, а если нет, то какому пути следовать, и, вынув из сумки кусок хлеба, начал его есть.

Вдруг сидевший в ветвях снежно-белый голубь спорхнул вниз и очень смело приблизился ко мне. Я охотно разделил с ним свой кусок хлеба. Но на голубя ринулся черный ворон. Голубь пытался найти спасение в полете, ворон устремился за ним, а я за вороном.

Когда я прогнал ворона прочь, то вспомнил о сумке и хлебе, оставленных подле кедра. Но когда я обернулся, чтобы идти искать их, то поднялся такой сильный встречный ветер, что едва не свалил меня с ног. В то же время ничто не препятствовало мне идти вперед. Осматриваясь вокруг, я обнаружил, что уже ступил на один из четырех путей — на длинный окольный путь.

Так что весь этот день я шел этой дорогой, стараясь не сбиться ни влево, ни вправо. Путь сам по себе был настолько тернист, что я не раз сомневался в нем, но голубь летел прямо на юг и с его помощью я шел прямо по указанному пути. Наконец перед самым заходом солнца я заметил величественный портал, стоявший вдали высоко на холме. Я ускорил шаги, чтобы достичь его до наступления темноты.

Когда, наконец, я дотащился до портала, то от него навстречу мне выступил почтенный мужчина в небесно-голубых одеждах и представился мне как Страж Врат. Он спросил у меня письмо и Приглашение. С какой радостью я представил его!

Когда Страж услышал мое имя и узнал, что я брат Розы Креста, он удивился и, казалось, очень обрадовался. Он обошелся со мной с большим уважением и сказал: "Войди, брат мой, желанный гость ты для меня!"

В обмен на мою бутылку воды Страж дал мне золотой жетон и запечатанное письмо для Стража Вторых Врат. Он также попросил меня, чтобы я вспомнил о нем, когда это окажется для меня полезным.

Сгушались сумерки. Прекрасная Дева в небесно-голубом одеянии и с чудесным факелом в руке начала зажигать фонари вдоль дороги к внутренним Вратам. Я поспешил дальше, но был напуган ужасным львом, сидевшим на цепи и загородившим мне дорогу. Как только он увидел меня, тут же поднялся и двинулся ко мне со страшным рыком.

Тут проснулся Страж, спавший на мраморной плите. Он отогнал льва и, прочитав запечатанное письмо, приветствовал меня с величайшим уважением, воскликнув: "Во имя Бога, добро пожаловать ко мне, человек, которого я уже давно рад видеть!"

В обмен на мою соль этот Страж дал мне другой золотой жетон.

К этому времени сумерки еще более сгустились и в Замке зазвонил колокол. Страж посоветовал мне быстрее бежать дальше, иначе я не успею достичь Врат, лежащих глубоко внутри, до того, как они закроются на ночь. Огни вдоль тропы стали гаснуть, и я был благодарен факелу Девы, ведущему меня сквозь темноту. Как только я вошел в Третьи Врата, ступая почти по пятам Девы, они так быстро захлопнулись, что прищемили часть моей одежды. Она так и осталась там, потому что мне не удалось уговорить Стража вновь открыть Врата.

Третий Страж записал мое имя в маленькую книжечку из тонкого пергамента и дал мне третий золотой жетон и пару новой обуви, потому что пол в Замке был из чистого, сияющего мрамора. Свою старую обувь я отдал нищему, сидевшему рядом с Вратами.

Два пажа, держа по факелу в руках, ввели меня в Замок и оставили одного в маленькой комнатке, где, к моему ужасу, незримые парикмахеры срезали у меня на макушке волосы, оставив висеть остальные седые локоны. Срезанные волосы были аккуратно собраны и унесены невидимой рукой.

Зазвонил колокольчик. Два пажа, светя факелами, повели меня через множество дверей по вьющимся лестницам в просторный зал, где было множество гостей — императоры, короли, принцы, лорды, знатные и не знатные, богатые и бедные, люди всех сортов, среди которых кое-кого я хорошо знал и не имел никаких оснований уважать. Последние, когда я спросил их, каким путем они попали сюда, рассказали, что вынуждены были карабкаться по камням.

Вскоре, когда зазвучали трубы, приглашавшие нас на пир, именно эти люди захватили почетные места, так что для меня и еще нескольких огорченных остался лишь маленький уголок за самым нижним столом. Но зато возле меня сидел прекрасный спокойный человек, чудесно рассуждавший о великолепных предметах.

Затем было внесено мясо и невидимыми руками роздано гостям, причем сделано это было очень искусно. Когда один из гостей похвастался, что видит этих слуг, то один из них так славно съездил кулаком по его лживой морде, что не только он, но и многие примолкли как мыши.

Люди похотливого сорта, захмелев, начали хвастаться своими способностями — один слышал ритмы небес, другой видел идеи Платона, третий мог сосчитать атомы Демокрита. Один старался доказать это, другой — то, а в целом наиболее жалкие идиоты шумели громче всех.

Среди этого шума и крика я проклинал день, когда решился прийти сюда. Я подумал, что Новобрачный поступил бы благоразумно, выбрав других дураков вместо меня на Свадьбу. Но так было только сначала.

Вдруг послышались чудесные мелодии. Музыка заиграла громче и была так торжественна, как будто предшествовала выходу римского императора. Сама собой открылась дверь, и в зал вошли тысячи пажей, марширующих с зажженными тонкими свечками. За ними скользил по воздуху позолоченный трон, где сидела Дева, светившая мне факелом на пути к Замку. Вместо небесно-голубых на ней были белоснежные одежды, сверкавшие чистейшим золотом.

Она приветствовала нас от имени Невесты и Жениха и предупредила, что на следующее утро мы все будем взвешены для выявления достойных присутствовать на Свадьбе. Каждый, кто чувствует себя достойным, будет сейчас препровожден в свою спальню, все сомневающиеся должны провести эту ночь в зале.

Когда Дева отбыла на своем парящем в воздухе троне, свечи, несомые невидимыми руками, проводили уверенных в себе к их постелям. Только я и еще восемь человек остались в зале, среди них мой застольный компаньон. Часом позже в зал пришли пажи, связали всех девятых веревками и оставили нас в темноте и беспокойстве, оплакивающими самонадеянность, с которой мы приняли приглашение на Свадьбу. Ночью мне приснилось, Что я

стою на высокой горе, возвышающейся над обширной долиной, в которой

было множество повешенных. Одни висели выше, другие — ниже на

своих веревках. Глубокий старик летал среди них и перестригал

ножницами веревки. Висящие низко над землей падали

мягко, висящие высоко с позором летели

вниз. Это зрелище развеселило

меня до глубины души и в

приступе смеха я

проснулся.

День третий

На рассвете все, считавшие себя достойными, снова пришли в зал, где мы лежали связанными. Фанфары возвестили о приходе Девы. Она явилась в красном бархате, опоясанная белым шарфом, и с зеленым лавровым венком на голове.

Ее сопровождали двести вооруженных рыцарей в красных и белых плащах. Она велела развязать нас и посадить на места, с которых будет хорошо видно все, что произойдет в дальнейшем. Увидев меня, она улыбнулась и воскликнула: "Бедняга! Вы тоже подчинили себя рабству? Я полагала, что вы уже достойно очистили себя!"

Затем были внесены огромные золотые весы и подвешены в середине зала. Возле них поместили маленький столик, накрытый красной скатертью. На столик поставили семь гирь: одну большую, четыре поменьше и две, каждая из которых была больше всех предыдущих. Рыцари разделились на семь групп, командиру каждой группы был поручен надзор за одной из гирь.

Полный достоинства император был первым, кто ступил на весы. Рыцари одну за другой положили гири. Первые шесть он выдержал, но когда положили седьмую, его чаша была перевешена, после чего его связали и передали с великой мукой шестой группе рыцарей. Один за другим были взвешены все остальные императоры и их всех постигла участь первого, за исключением последнего, непоколебимо выдержавшего все до конца и, казалось, что если бы были еще гири, они все равно не смогли бы его перевесить.

Дева встала, поклонилась ему и дала мантию из красного бархата и лавровую ветвь, а затем посадила его на ступень у своего трона.

Затем все остальные были по очереди взвешены. Из каждой категории один, самое большее два, выдерживали испытание, а чаще ни одного. Каждый выдержавший награждался красной бархатной мантией и лавровой ветвью и садился на ступени у трона Девы.

Теперь настала наша очередь, — тех, кто спал в зале. Из нас только мой компаньон и я выдержали все гири. Мой компаньон держался так мужественно, что все даже заплотировали ему, и Дева проявила к нему наиболее глубокое уважение. Когда наконец, весь дрожа, ступил на весы я, то мой компаньон, уже сидевший в мантии на ступени, дружески взглянул на меня, и сама Дева улыбнулась мне.

Я так легко перевесил все гири, что Дева велела стать на другую чашу весов троим рыцарям в полном вооружении. Тогда на нее влез один из пажей, и я выдержал их всех, и он громко крикнул: "Это он!"

Поскольку я оказался самым тяжелым, Дева позволила мне освободить по своему выбору одного из пленных. Я выбрал первого императора. Его тотчас же развязали и со всяческим уважением усадили возле нас. Между тем Дева заметила у меня в руках розы, которые я взял из своей шляпы, и через своего пажа любезно попросила их у меня. Я тут же охотно послал их ей.

К 10 часам утра мы все были взвешены. Затем последовал завтрак, во время которого мы в своих красных мантиях сидели за высоким столом, накрытым также красным бархатом и уставленным кубками из чистого серебра и золота. Тут же два пажа от имени Новобрачного подарили нам эмблемы Золотого Руна и Летающего Льва.

Невидимые раньше служители стали теперь видны для нас, что бесконечно радовало меня. Для остальных, не выдержавших испытание и теперь сидевших за нижними столами, служители по-прежнему были невидимы.

Когда с едой было покончено, и золотой кубок, присланный Новобрачным, обошел круг, мы, новые рыцари Золотого Руна, сидевшие на ступенях у трона Девы, были приглашены в сад, чтобы посмотреть на тех, кто потерпел неудачу. Дева повела нас по извивающимся лестницам в галерею. Но как там вел себя по отношению ко мне освобожденный мною император, я не могу поведать, остерегаясь злословия.

Теперь Дева, которая принесла мне приглашение и которую я с тех пор не видел ни разу, выступила вперед. Она подняла трубу, протрубила один раз и объявила приговор тем гостям, которые были признаны недостойными: тем, кто был лишь с трудом перевешен гирями, разрешается выкупить себя золотом и драгоценностями и удалиться с достоинством, испив при выходе глоток Забвения. Те, кто оказались более легкими, будут раздеты и отосланы прочь голыми. Еще более легкие будут бичеваны розгами и кнутами. Те, кто оказались обманщиками и никогда не получали приглашения, будут лишены жизни мечом или петлей.

Наблюдая исполнение приговоров, я почувствовал, как мои глаза застилают слезы.

Наконец переполненный сад опустел, и наступила тишина. В этой тишине осторожно ступал снежно-белый единорог с золотым ошейником. Он преклонил колено перед львом, стоявшим в фонтане с обнаженным мечом в лапе. Лев сломал меч и осколки его упали в фонтан, затем он заревел и ревел до тех пор, пока к нему не подлетел снежно-белый голубь с оливковой ветвью в клюве. Лев пожрал ветвь и успокоился. Единорог с радостью вернулся на свое место, а Дева в это время повела нас назад, вниз по извивавшимся лестницам.

Когда мы вымыли в фонтане головы и лица, то каждому из нас дали по богато одетому ученому пажу, способному вести разговор на любую тему. Они отвели нас снова в Замок и показали картины, сокровища и древности,

имевшиеся в нем. Многие занялись копированием картин, а меня, кому был дан паж необычайной силы, повели с моим компаньоном в обычно хранимые в тайне комнаты Замка, ключи от которых были вверены моему пажу.

Там, в продолжении нескольких часов, мы созерцали сокровища — Королевскую Гробницу со знаменитым Фениксом и великолепную библиотеку. Когда пробило семь, я все еще был захвачен увиденным, хотя и испытывал позывы голода.

Когда Король прислал своего пажа за ключами, нам показали ценный часовой механизм, отрегулированный в соответствии с ходом планет, а затем огромный земной глобус, на котором мы нашли наши родные земли отмеченными маленькими золотыми кружочками; мы увидели, что наша компания собрана со всех концов света.

Глобус внутри был пустой, и мы могли сесть в него и созерцать звезды. Они сверкали в такой гармоничной последовательности и двигались так величаво, что, засмотревшись на них, я не думал вылезать из глобуса, пока паж не сказал обо мне Деве и она не упрекнула меня за опоздание к ужину — я сел за стол почти последним.

За ужином, когда все повеселели от вина, Дева стала каждому предлагать загадки, которые мы не могли отгадать. Например, она рассказала такую: "У нас с сестрой есть орел, за которым мы ухаживаем. Однажды мы вошли в спальню и увидели его с лавровой ветвью в клюве. У меня в руках тоже была лавровая ветвь, а у сестры не было. Орел подошел к ней и отдал ей свою, затем подошел ко мне и попросил, чтобы я отдала ему свою. Скажите, кого он любит больше, меня или мою сестру?"

Дева так просто вела себя, что я отважился спросить ее имя. Улыбнувшись на мое любопытство, она ответила:

— Мое имя содержит в себе 6 и 50, однако состоит только из 8 букв. Третья буква есть третья часть пятой, которая, будучи сложена с шестой, образует число, сумма цифр которого превышает третью ровно на величину первой и которое есть половина четвертой. Пятая и седьмая равны, так же как первая и последняя. Первая и вторая равны в сумме шестой, которая на четыре больше, чем утроенная третья. Теперь скажите, как меня зовут?"

Такой вопрос был слишком сложным, но я не прекратил расспросов и сказал: "О благородная и добродетельная Госпожа, не могу ли я узнать хоть одну букву?"

— Да, — сказала она, — это можно.

— Тогда чему равна седьмая буква? — продолжал я.

— Она равна, — ответила она, — числу присутствующих здесь.

Зная это, я легко разгадал ее имя, чем она была весьма довольна.

Потом она пригласила нас на церемонию Подвешивания гирь. В сопровождении шести прекрасных дев со светильниками вошла величественная Герцогиня, еще менее земная, чем наша Дева. Она смотрела на небо больше, чем на землю. Мы все приняли ее за Новобрачную, но ошиблись, хотя по величию она намного превосходила невесту и впоследствии руководила всей Свадьбой.

Она сказала мне: "Ты получил больше, чем другие. Смотри, с тебя больше и спросится".

Это поучение показалось мне очень странным.

Хотя весы были уже вынесены из зала, гири все еще стояли на маленьком столике. Герцогиня велела каждой деве взять по одной гире, а нашей Деве — самую большую и тяжелую. Затем вся процессия удалилась в семь часовен. В первой из них повесила гирю Дева, а в шести других остальные девы. Во всех часовнях под руководством Герцогини мы пропели гимн и помолились за благословение Королевской Свадьбы.

Затем каждый из нас был отведен пажом в богато убранную спальню. Сами пажи, на случай, если нам что-нибудь понадобится ночью, улеглись на соломенные тюфяки подле наших кроватей. Это была первая ночь, когда я спал спокойно, хотя гнусный сон мешал мне отдохнуть: в тревоге я пытался открыть дверь, но не мог.

Наконец мне это удалось.

День четвертый

На следующее утро я проспал завтрак. Меня не решились будить ввиду моего возраста. Но я быстро оделся и поджидал остальных в саду возле фонтана.

Лев в фонтане держал сегодня табличку вместо сломанного меча, где было написано, что водой фонтана принц Меркурий исцеляет все болезни и еще:

Пусть пьет из меня, кто может.
Пусть умоется, кто хочет.
Пусть беспокоит меня, кто смеет.
Пей, Собрат, и живи!

Когда мы все умылись в фонтане и напились воды из золотых чашек, нам дали золоченые одежды, расшитые прекрасными цветами, и новые эмблемы Золотого Руна с висящими на них золотыми дисками в виде солнца и луны на одной стороне и с золотыми надписями на другой:

Свет луны будет подобен свету солнца, а свет солнца
Будет в семь крат ярче, чем теперь.

Ведомые нашей Девой, в сопровождении еще шестидесяти дев и музыкантов, одетых в красный бархат, мы поднялись по вьющейся лестнице из 365 ступеней в Королевский зал, где увидели юных Короля и Королеву. Величественно восседали они в невыразимой славе. Весь зал так сиял чистым золотом одежд Королевы, что я был не в состоянии смотреть на это.

Наша Дева представила нас Королю как свадебных гостей. По этому случаю нам приличествовало сказать что-нибудь. Но у нас от страха поприлипали языки. Видя это, старый Атлант — Придворный Астролог, подошел к нам и приветствовал нас от имени Короля.

Юные Король и Королева сели под огромную арку в западном конце зала. На головах у них были лавровые венки, а над головами висели в воздухе большие и дорогие золотые короны. С одной стороны от них сел царствующий древний седобородый Король с прекрасной юной Королевой, с другой стороны — черный Король с изящной, покрытой вуалью пожилой матроной.

Купидон метался взад и вперед. Он то садился между влюбленными, то делал вид, что стреляет в нас. Он был переполнен шалостью и не жалел даже птиц. Девы тоже играли с ним.

Перед Королем и Королевой стоял алтарь, где лежало шесть предметов: книга в черном бархате и в золотой оправе, зажженная свеча в подсвечнике из слоновой кости, глобус, вращавшийся сам собой, часы со звоном, кристальный фонтан с красной водой и череп, в глазницах которого извивалась то наружу, то внутрь маленькая белая змейка.

Аудиенция окончилась. Заиграли музыканты, нас снова повели по выющимся лестницам в прежний этаж, где девы исполнили вместе с нами светский танец. Потом мы сопровождали их Высочества к Дому Солнца смотреть комедию. Впереди шла Герцогиня, несшая жемчужное распятие в золотой оправе. Следом за ней шесть дев, несшие предметы с алтаря. Замыкал шествие Атлант — Придворный Астролог.

Комедия началась со сцены, где Король сидел на своем троне. Принесли сундук, найденный плавающим в море. В нем оказалась Принцесса, похищенная Маврами. Король воспитал ее, чтобы выдать замуж за сына, когда он подрастет.

Но Принцесса снова попала в руки Мавров, и на этот раз ее освободил рыцарь. Она была возвращена в родное королевство и там коронована. В третий раз по своей воле она снова попала в руки Мавров, которые раздели ее, бичевали и затем бросили в тюрьму.

Юный Король, обрученный с ней, пошел на войну с Маврами и победил. Он освободил юную Королеву и вернул ей королевство. Затем они поженились. Пьеса закончилась свадебным гимном, призывавшим благословение на Короля и Королеву и молитвой, чтобы от них пошло прекрасное потомство.

Потом мы вернулись на свадебный пир. Королевские персоны были одеты в снежно-белые сияющие одежды, но музыки не было. Юный Король вздыхал, старые Король и Королева были печальны. В воздухе парила гнетущая атмосфера беды, нависшей над всеми нами.

Юный Король взял с алтаря книгу в бархатном переплете с золотыми углами и спросил, кто решится доверить ему вписать свое имя в нее. Мы поднялись и дали согласие. Принесли хрустальный фонтан с красной водой и хрустальную чашу. Каждый из нас выпил из нее Глоток Молчания, как это делается при совершении Мистерий.

Под звон колокола белые одежды были заменены черными, стены также задрапированы черным бархатом. Дева принесла шесть черных шарфов и завязала глаза трем Королям и трем Королевам. В центре зала поставили шесть гробов, а рядом — низкие плахи. В зал вошел черный Мавр с обнаженным топором в руках.

Старого Короля торжественно и почтительно обезглавили. Голову завернули в черную тафту, кровь слили в золотую чашу, затем все это положили в первый гроб. За первым Королем два других Короля и три Королевы молча

покорились той же участи. Черный палач, готовившийся было уйти, был тоже обезглавлен. Его голову и топор положили в небольшую раку.

Мы все рыдали. Дева просила нас сохранить мужество, сказав:

— Жизнь этих Королей и Королев находится теперь в ваших руках. Если вы будете следовать за мной, эта смерть произведет немало для жизни.

Она пожелала нам спокойной ночи, пажы проводили нас в спальню. Ровно в полночь я почувствовал яркий свет на воде и увидел в окно семь светящихся кораблей, плывущих к Замку. Над каждым из них вздымалось пламя. Я сразу понял — это духи обезглавленных.

Корабли причалили, к ним сквозь ночь прошла Дева с факелом в
руках. За ней служители пронесли шесть гробов

и раку, которые разместили на кораблях.

Один за другим корабли отплыли, и

огни исчезли за горизонтом.

Дева вернулась в Замок.

Затем я, крайне

утомленный,

заснул.

День пятый

Рано утром я попросил своего пажу показать мне в Замке что-нибудь необычное. Он привел меня вниз по лестнице в подземелье, к железной двери, где были вырезаны из золота слова: "Здесь похоронена Венера, погубившая множество выдающихся людей".

Затем мы попали в великолепный склеп — Королевскую Сокровищницу, освещавшуюся огромным карбункулом. В центре склепа стоял надгробный памятник трехгранной формы, напоминавший алтарь. Он опирался на быка, орла и льва и был сделан из чистого золота и драгоценных камней. На нем в сосуде из полированной меди стоял ангел, с деревом в руках. С этого дерева в сосуд постоянно падали плоды и превращались в воду, а вода стекала в три золотые чаши.

Затем паж открыл медную дверцу в мозаичном полу и повел нас по темной лестнице. Мы увидели богатую кровать, окруженную прекрасными занавесями. Паж отдернул одну из них, и я увидел Венеру, совершенно обнаженную. Она лежала такая прекрасная, что я едва совладал с собой.

Над головой Венеры висела табличка с золотыми буквами: "Когда все плоды с моего дерева растут, тогда я пробужусь и стану матерью Короля".

Потом мы снова поднялись в Королевскую Сокровищницу и я увидел там свечи из пирита, горевшие чистым пламенем. От них шел жар, расплавлявший плоды, падавшие с дерева, которое держал ангел. Этот жар был причиной того, что вместо упавших плодов постоянно вырастали новые.

Не успели мы вернуться в Сокровищницу, как прилетел Купидон. Он воскликнул, захлопнув медную дверь в усыпальницу Венеры: "Старый непоседливый дед, ты чуть не сыграл со мной гнусную шутку! Ты едва не наткнулся на мою мать!"

С этими словами он раскалил в пламени свечи стрелу и проткнул ею мне руку.

Потом я присоединился к своим собратьям в Зале, где Купидон попросил показать ему руку. Увидев на ней каплю крови, он велел ухаживать за мной, дабы я не окончил вскоре свои дни.

Дева в черном бархате повела нас в сад, где было шесть гробниц. Над ними развевался флаг с изображением Феникса. Мы присутствовали при положении шести гробов и маленькой раки в гробницы. Все гости думали, что присутствуют на Королевских похоронах, лишь я думал иначе.

Дева напомнила нам о нашей клятве верности Жениху и пригласила нас плыть на Остров Олимпийской Башни, для изготовления средства возвращения Королевских Персон к жизни. Мы последовали на берег, где стояло семь кораблей. Над пятью из них развивались знаки планет, над одним — изображение земного шара, и над одним — пирамиды. Мы отплыли в следующем порядке:

Впереди А-Пирамида — несущая голову Мавра. Здесь 12 музыкантов исполняли великолепную музыку.

Затем В, С, D — одним фронтом. Дева и я находились на С с изображением земного шара. За нами плыли два корабля без пассажиров. На замыкающем корабле были сорок дев.

Мы вышли в море, где сирены, нимфы и морские богини встречали нас и умоляли разрешить спеть для нас.

Корабли перестроились в пятиугольник вокруг Солнца и Луны. Дева дала разрешение, сирены запели. Купидон трудился надо мной, но он имел мало успеха. Это и была та рана в голову, которую я получил во сне.

Через несколько часов показалась Олимпийская Башня. Ее Страж, древний человек, был в позолоченном плаще. Башня состояла из семи малых цилиндрических башен, одна возле другой. Средняя была самая высокая и от нее отходили остальные. Остров был в виде правильного квадрата, окруженный высокими стенами толщиной в 260 шагов.

В Башню внесли шесть гробов и раку, что

видел только один я. Мы спустились в подземную лабораторию,

и промывали там растения, дробили драгоценные камни и

отжимали соки и эссенции. До темноты работа была

закончена. Нам дали супа и вина, потом, постелив

матрацы, все улеглись на полу в лаборатории.

Но ко мне сон не шел. Я поднялся

на стену, чтобы созерцать море и

звездное небо. Ровно в полночь

я увидел семь огней далеко в

море. Они приближались к

острову. Вдруг поднялся
ветер. Облака закрыли
луну. Я пошел в
лабораторию
и быстро
уснул.

День шестой

На следующее утро Страж Башни вошел в подземную лабораторию в сопровождении юношей, несущих лестницы, веревки и большие крылья. "Мои дорогие дети, — сказал он, — каждый из вас в течение всего сегодняшнего дня должен постоянно носить с собой одну из этих вещей. Выбор сделайте по жребию".

Мой жребий пал на лестницу 12 футов длиной и довольно увесистую. Я вынужден был носить ее, тогда как другие имели возможность красиво обвязаться веревками, а третьим Старец так искусно прикрепил крылья, будто они у них сами выросли,

Затем Старец ушел, забрав с собой плоды нашего вчерашнего труда, и запер за собой дверь. Мы уже стали подумывать, не сделали ли нас в этой Башне узниками, когда, примерно четверть часа спустя, в потолке открылось круглое отверстие и мы увидели в нем Деву. Она пожелала нам бодрого хорошего утра и пригласила подняться наверх. Те, кому по жребию выпало носить крылья, последовали ее предложению тотчас же. Те, кто носил лестницы, полезли по ним, вытягивая их потом за собой. Те же, кто был с веревками, вынуждены были ожидать, пока вылезшие по лестницам не прикрепili для них железные крюки, но и тогда их подъем не обошелся без водяных мозолей на ладонях. Затем отверстие было снова закрыто, и мы оказались в лаборатории, окруженной шестью ризницами, куда нас направили помолиться за жизнь Короля и Королевы. Двенадцать музыкантов, плывших на корабле с Пирамидой, внесли в лабораторию фонтан, а с ним большую овальную шкатулку, которая, как я подозревал, содержала в себе тела обезглавленных Королей и Королев. Затем, пока они исполняли особенно приятную музыку, вошла Дева, неся раку, содержащую голову Мавра. Ее сопровождали закрытые вуалью девы с лавровыми ветками и факелами в руках.

Все встали вокруг фонтана. Дева вынула из раки голову Мавра, завернутую в тафту, и положила ее в сосуд, куда были налиты эссенция и настойки, приготовленные вчера. Этот раствор, оттого, что в него положили голову Мавра, стал быстро нагреваться, кроме того, девы положили на решетку под сосудом свои факелы, так что даже в фонтане забурлила и заиграла вода. Ветки лавра девы воткнули в отверстия вокруг фонтана, и брызги, летевшие на них, стекали затем в сосуд, окрашенные в густой желтый цвет.

Два часа играл фонтан и дистиллят капал в овальную шкатулку, пока тела, находившиеся в ней, не растворились окончательно. Затем Дева принесла золотой глобус. Его поднесли к овальной шкатулке и из нее побежала в него красная жидкость. После этого глобус снова унесли.

Мы, лаборанты, остались на четверть часа или около того, сидеть одни, пока я не почувствовал шаги над головой и не взглянул на свою лестницу. В потолке открылось отверстие, и мы снова полезли вверх с помощью крыльев, лестниц и веревок. Я нисколько не обижался на то, что Дева могла переходить другим путем, и, насколько я мог судить, кое-какую работу мы оставляли на долю Стража.

И на самом деле, когда мы попали на третий конклав, мы нашли золотой глобус уже висющим на толстой цепи в середине потолка. Стен у этой третьей лаборатории не было совсем, но между окнами висели зеркала таким образом, что всюду было видно только отраженное солнце: казалось, что в комнате нет ни одной свободной пяди, а только солнце.

Тепло от всех этих искусственных ослепляющих отражателей падало на золотой глобус до тех пор, пока Дева не нашла, что требуемая температура достигнута. Тогда она приказала закрыть зеркала, а когда глобус остыл, велела нам опустить его вниз и разрезать на части. После длительной дискуссии это было, наконец, сделано с помощью алмаза. Когда глобус распался на две части, то внутри его оказалось огромное снежно-белое яйцо. Оно было такое красивое, что мы стояли вокруг него радостные, как будто сами снесли его.

Как только наша Дева удостоверилась, что скорлупа у яйца достаточно затвердела, она тут же унесла его из комнаты, заперев за собой дверь. Что она делала с яйцом вне комнаты, я не знаю. Мы снова с четверть часа находились одни, а потом открылось третье отверстие в потолке и мы с помощью наших средств стали подниматься на четвертый этаж.

Там мы нашли огромный квадратный медный сосуд, наполненный серебряным песком, в который положили яйцо и стали подогревать на медленном огне. Когда оно было готово, его вынули из песка, но раскалывать его не потребовалось, потому что Птенец скоро освободился сам и выглядел при этом очень довольным.

Дева велела нам связать его, прежде чем его будут кормить. Когда мы это сделали и посадили Птенца на темный песок, ему принесли пить кровь обезглавленных Королей и Королев. Напившись, он стал расти у нас на глазах, покрылся черными перьями и стал чертовски энергично клевать и чесываться, что вздумайся ему кинуться на нас, он любого тут же бы отправил на тот свет.

Когда ему принесли еды еще, он сделался более покладистым и стоворчивым. Его черные перья полиняли и на их месте выросли снежно-белые. При третьем кормлении его перья стали так чудесно окрашиваться, что я никогда не видел подобной красоты. Теперь он вел себя по отношению к нам так дружелюбно, что Дева разрешила освободить его от пут.

За обедом мы большую часть времени развлекались нашей Птицей, а после обеда Дева и Птица покинули нас и была открыта пятая комната, куда мы попали прежним способом.

Теперь мы нашли нашу Птицу поджидавшей нас в прохладной молочной ванне, в которой она с удовольствием развлекалась. Под ванной находились горячие лампы. Когда они нагрели молоко настолько, что оно стало горячим, нам пришлось немало потрудиться, чтобы удержать в нем Птицу. Мы покрыли ее покрывалом, в котором сделали дыру, куда она высунула голову.

В нагретой ванне у Птицы вылезли все перья и жидкость растворила их, став от этого голубой, а Птица вышла голый, как новорожденный младенец. Затем мы продолжали нагревать ванну, пока вся жидкость из нее не испарилась, а на дне не остался голубой камень. Этот камень мы растерли в пудру и ею окрасили всю Птицу за исключением головы, которая осталась белой.

Дева снова ушла от нас вместе с Птицей, а мы сквозь потолок попали на шестой конклав, где нашли небольшой алтарь, установленный посередине комнаты. На алтаре лежали книга, зажженная тонкая свеча, небесный глобус, часы со звоном, хрустальный фонтан и череп с белой змеей, в том же порядке, как это было в Королевском Зале.

Птица стояла на алтаре и пила из кроваво-красного фонтана, потом она принялась клевать змею, пока та не стала истекать кровью. Небесный глобус вращался, пока не было достигнуто некоторое соединение, затем второе и третье. После каждого соединения звонили часы.

Затем бедная Птица покорно положила свою голову на книгу и охотно позволила отрезать ее одному из нас, выбранному по жребию. Пока не отрезали голову совсем, не пролилось ни единой капли крови, а потом она хлынула сразу свежим и чистым рубиновым фонтаном.

Мы помогли Деве сжечь дотла тело (вместе с подвешенной на нем маленькой табличкой) на огне, зажженном от пламени тонкой свечи, а прах положили в коробку из кипарисового дерева.

Тут я и еще трое со мной возмутились против этого обмана, в который мы были вовлечены.

"Господа, — сказала Дева, — мы уже в шестой комнате, и перед нами осталась только одна. Я вижу среди вас этих четверых (она указала на меня и остальных трех) — ленивых и вялых спутников и я намерена исключить их из седьмого и самого чудесного действия".

Дева умела так хорошо владеть собой, что наша печаль прорвалась потоками слез. Были приглашены музыканты, они кларнетами выдули нас с позором из комнаты, сами при этом будучи почти не в состоянии от смеха дуть

в свои инструменты. Но как только мы оказались за дверью, они тут же привели нас в хорошее настроение и повели по вьющейся лестнице на восьмой этаж под самой крышей, где мы увидели стоящего Старца.

Он дружелюбно встретил нас и поздравил с тем, что мы были избраны Девой. Когда он узнал, как нас напугали, то у него чуть живот не лопнул от смеха. Ведь нас постигла такая удача и таким ужасным образом!

"Поэтому, — сказал он, — мои дорогие дети, запомните, что человек никогда не знает, какое добро Бог намеревается принести ему".

Пришла Дева с коробкой из кипариса, в которой был пепел Птицы, и тоже стала смеяться вместе с нами. Затем под руководством старого Стража мы приступили к работе: налили в пепел приготовленной воды и получившуюся пасту нагрели и разложили в две маленькие формочки.

Пока она остывала, мы наблюдали сквозь щель в полу наших остальных собратьев, занятых этажом ниже. Они усердно раздували горн, готовя золото и думая при этом, что их предпочли нам.

Когда мы открыли формочки, то там оказались два ярких, почти прозрачных маленьких слепка ангельски прекрасных младенцев мужского и женского пола, каждый не более 4-х дюймов ростом. Мы положили их на атласные подушечки и смотрели на них до тех пор, пока не одурели от их прелестного вида.

Под руководством Стража мы взяли золотые чашечки с кровью из груди Птицы и стали по капле вливать ее в ротки младенцев, пока они не достигли своего полного настоящего роста и у них не выросли кудрявые золотые волосы. После этого Старец велел нам положить их на длинный стол, накрытый белой тафтой, чтобы нам не стало плохо от непередаваемой красоты.

Наша Дева пришла с чудесными одеждами, которые выглядели, как хрусталь, но были мягкие и непрозрачные. Она положила их на стол, и пока музыканты играли, вместе со Старцем исполнила много церемониальных жестов, направленных к потолку. Потолок был в виде семи полусфер и в середине самой высокой я заметил небольшое отверстие.

Теперь вошли шесть дев с большими трубами, обернутыми яркой, почти пылающей, зеленой материей. Старец взял эти трубы одну за другой и приложил к губам спящих так, что расширяющиеся концы труб были направлены в потолок. Затем в каждый раструб из отверстия в потолке устремился яркий поток пламени и вошел в спящие изображения младенцев, которые тут же заморгали глазами, хотя сами еще едва шевелились.

Затем спящих младенцев аккуратно уложили в переносную кровать, которую задержали занавесками, и там они продолжали спать.

Мы, между тем, сидели очень тихо, ожидая, когда проснется повенчанная пара. Так прошло около получаса.

Потом влетел Купидон и принялся досаждать им, пока они не проснулись, а проснувшись, были крайне изумлены, так как думали, что они спали с того часа, когда были обезглавлены.

Дева обрядила их в новые одежды, и мы все поцеловали им руки. Потом мы проводили их вниз на королевский корабль, на котором они отплыли домой вместе с Купидоном и свитой дев.

За ужином Дева снова свела нас с нашими прежними товарищами, но мы вели себя так, как будто оставались пребывать в своем плачевном состоянии. За этим ужином с нами был Старец. Я очень многому научился от него, и если бы люди присматривались к его образу действий, их дело не оборачивалось бы так часто неудачей.

После ужина Старец повел нас в свой кабинет редкостей, где мы увидели такие изумительные произведения Природы и другие вещи, которые человеческий разум изобрел в подражание ей, что нам и года не

хватило бы, чтобы как следует осмотреть их. Так провели мы

добрую часть ночи при свете свечей. Затем мы Разошлись

по красивым спальням и, будучи утомлены

продолжительным трудом, проспали

беспробудно с 11 часов вечера

до 8 часов утра

следующего

дня.

День седьмой

Следующее утро седьмого дня и последнего дня мы встретили в самой глубине подвалов Башни. Там нам дали желтые одежды и наши ордена Золотого Руна, так как мы были все еще одеты в черные погребальные одежды.

После завтрака Старец вручил каждому из нас золотую медаль, на одной стороне которой были слова: "Искусство — это жрица Природы", а на другой — "Природа — это дочь Времени".

Потом мы пошли к морю, где стояли наши богато снаряженные корабли. Их было двенадцать, — шесть, на которых приплыли мы, а другие шесть принадлежали Старцу, но он сел в наш корабль, но котором были мы все вместе. На первый корабль сели музыканты, которых у Старца было очень много. На всех двенадцати кораблях развевались флаги со знаком Зодиака — на нашем был знак Весов. Море было так спокойно, что плыть по нему было одно удовольствие. Старец во время этого плавания занимал нас беседой (он хорошо знал, как провести время), в которой рассказал такие удивительные истории, что я, кажется, мог бы плыть с ним всю жизнь.

В течение двух часов плавания мы пересекли море и узкий пролив, и вошли в озеро, на котором увидели 500 кораблей, плывущих от Замка встречать нас. Во главе их шел сверкающий золотом и драгоценными камнями корабль с юными Королем и Королевой на борту, от имени которых Старый Атлант приветствовал нас.

Остальные наши товарищи были крайне изумлены при виде Короля, так как думали, что только они должны вновь пробудить его. Мы вели себя так, будто бы тоже были удивлены. После речи Атланта выступил наш Старец. Он пожелал Королю и Королеве много счастья и потомства, а затем передал им удивительную маленькую шкатулку, но что было в ней, я не знаю. Затем эту шкатулку передали на хранение Купидону, который парил между Королем и Королевой.

Потом мы благополучно поплыли вместе, пока не причалили к берегу невдалеке от первых Врат, в которые я вошел когда-то.

На берегу нас ждали лошади. Когда мы сошли с кораблей, то Король, Старец и я сели верхом. Меня взяли только по причине преклонного возраста и потому, что у меня, как и у Старца, была длинная седая борода и волосы. На каждом из нас троих была снежно-белая Эмблема с Красным Крестом. Свою я прикрепил к шляпе. Юный Король, заметив это, спросил меня, не я ли выкупил эти Эмблемы у Врат. Со всей скромностью я ответил "Да", но он рассмеялся и сказал, что теперь не надо больше церемоний, ведь я был его Отцом.

Когда мы достигли первых Врат, их Страж в своих небесно-голубых одеждах поджидал нас с прошением в руках. Он протянул его мне и попросил использовать мое хорошее положение, излагая его просьбу перед Королем. Поэтому по пути ко вторым Вратам я спросил Короля о первом Страже. Король ответил, что он был в свое время очень известным астрологом, но совершил проступок перед Венерой, увидев ее в кровати во время отдыха. В наказание за это он должен был ждать у Врат, пока кто-нибудь не освободит его отсюда.

— Значит, он может быть освобожден? — спросил я.

— Да, если кто-нибудь другой совершит такой же грех, он должен будет занять его место.

Эти слова вонзились мне в сердце, сознание подсказывало мне, что я преступник, однако я сохранил спокойствие и передал Королю просьбу Стража. По мере ее чтения Король приходил все в больший ужас и когда мы сошли с коней, велел тут же прислать ему в кабинет Старого Атланта. Он показал ему написанное, но Атлант не стал ужасаться, а сел на коня и поскакал к Вратам, чтобы разузнать как следует, в чем дело.

Нам было объявлено, что после ужина каждый из нас может попросить у Короля, чего пожелает. Король и Королева, между тем, сели играть в игру наподобие шахмат, но фигурами в которой были добродетели и пороки. Из этой игры можно было увидеть, как пороки сидят в засаде против добродетелей и каким путем можно избежать неожиданной встречи с ними. Во время игры вернулся Атлант и по секрету сообщил Королю о результатах, однако я весь покраснел, так как мое сознание не давало мне покоя.

Король протянул мне просьбу, чтобы я ее прочитал. В ней Страж Первых Врат сообщал, что один из гостей Короля открыл Венеру, так что пришло время освободить его от обязанностей Стража, а также просил позволить ему присутствовать на вечернем банкете в надежде, что его преемник будет обнаружен.

Король послал пригласить Стража присоединиться к нам, а когда мы все сели за стол, он строго осмотрел нас. Затем были поставлены в круг прочные изящные стулья, и мы все сели на них вместе с Королем, Королевой, обоими Старцами, дамами и девами. Красивый паж объявил, что Король, в благодарность за нашу службу, избирает каждого из нас Рыцарем Золотого Камня и требует, чтобы мы дали пять клятв:

1. относить основание нашего Ордена только к Богу и Его служанке Природе;
- 2) возненавидеть всякое распутство и не осквернять Орден подобным злом;
- 3) использовать свои таланты для помощи всем, кто в них нуждается;

- 4) не стремиться к земному достоинству и высокому авторитету;
- 5) не желать жить дольше, чем Бог положил нам.

Последний пункт мы не могли встретить без улыбки.

С соответствующей церемонией мы были возведены в Рыцари, а затем процессией направились в небольшую часовню, где я повесил свое Золотое Руно и шляпу и, поскольку все писали там свои имена, я тоже написал:

"Высшая мудрость это не знать ничего.

Брат Христиан Розенкрейц.
Рыцарь Золотого Камня.
1459".

Затем Король удалился в небольшой кабинет, в котором каждый из нас в частной с ним беседе излагал свои просьбы. Я решил на свой собственный риск освободить Стража Первых Врат от его работы, поэтому, когда меня позвали, я рассказал всю правду.

Король крайне изумился моему признанию и попросил меня отойти немного в сторону, а когда я был позван снова, Атлант объявил мне, что Их Королевскому Величеству крайне прискорбно, что я, кого он любил больше всех, впал в такое несчастье, Однако, поскольку он не может нарушить свои древние обычаи, то Первый Страж должен быть освобожден, а я поставлен на его место. Для меня не будет никакой надежды на освобождение до брачного пира его будущего сына. Этот приговор едва не стоил мне жизни, однако я сохранил мужество и осознал, что этот Страж был моим благодетелем, дав мне знак (жетон), с помощью которого я выстоял на весах и был сделан участником всех почестей и радостей, которые уже получил. В это время добрый человек был объявлен свободным, а я подумал, что теперь мне придется окончить жизнь у Врат. Кольцо служителя было одето мне на палец. Король обнял меня и сказал, что я вижу его в таком образе последний раз. Из этого я понял, что уже на следующее утро я должен буду сесть у моих Врат. Когда пришло время расстаться и остальные Рыцари были отведены в свои спальни, я, самый несчастный, не имел никого, кто бы указал мне путь. Но тут подошли ко мне никто иные, как два Старца — Атлант и Страж Башни. Они отвели меня в чудесную комнату, где стояли три кровати, на которые мы и легли. Тут мы принесли еще почти два...

В этой точке повесть неожиданно обрывается посередине предложения, и далее приписана концовка:

"Здесь недостает двух листов. Насколько можно себе представить, — будучи вынужден стать на утро охранителем ворот, он вернулся домой".